

На правах рукописи

**Вельмезова
Екатерина Валерьевна**

**Текст человека и болезни:
чешский лечебный заговор**
(Опыт исследования семантической структуры)

Специальность 10.02.03 – Славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 1999

Работа выполнена в Институте славяноведения Российской академии наук

Научный руководитель –

доктор филологических наук, профессор Николаева Т.М.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук Нещименко Г.П.

кандидат филологических наук Топорова Т.В.

Ведущая организация – Институт мировой литературы РАН

Отдел фольклора

Защита диссертации состоится « 1 » февраля 2000 г. в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.97.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте славяноведения РАН по адресу: Москва, Ленинский проспект 32а, корпус "В", 9 этаж (ауд. 901-902)

С диссертацией можно ознакомиться в Институте славяноведения РАН

Автореферат разослан « 14 » декабря 2000 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

 М.И. Ермакова

© Институт славяноведения РАН,
1999 г.

Диссертационная работа посвящена исследованию чешских лечебных заговоров: семантике и символике их наиболее значимых концептов, а также истории изучения этой малой формы фольклора. Исследование представляет собой первый опыт системного описания и анализа большой подборки чешских заговорных текстов, собранных воедино из малодоступных источников.

Актуальность темы. В последнее время исследователи народной культуры – ее предметного и акционального кодов, языка фольклорных текстов и т. д. – все чаще обращаются к использованию лингвистических методов. Таким образом, и на этнолингвистику, предметом которой является язык в широком этнокультурном аспекте, и на лингвофольклористику, изучающую структуру и язык фольклорных текстов, распространяется принятый в других дисциплинах, прежде всего в лингвистике, структуралистский подход к изучаемому материалу. В отечественной науке в этом плане особенно показательны работы П.Г.Богатырева, Н.И.Толстого, С.М.Толстой, С.Е.Никитиной, Л.Н.Виноградовой. Эта тенденция позволяет исследователям не только ставить и решать чисто *описательные* задачи самого широкого спектра в рамках *таксономического* подхода к изучаемым явлениям, но и дает возможность перейти к *динамическому* подходу, преследующему *объяснительные* цели – в частности, говорить о *реконструкции* текстов. Настоящее исследование чешских заговоров проводилось с ориентацией на реконструкцию семантики ритуального текста как вербального кода всего лечебного обряда в целом. При этом использовались методы, разработанные в трудах ученых Московского семиотического круга (В.Н.Топоров, Вяч.Вс.Иванов, Т.М.Николаева, Т.В.Цивьян, Л.Г.Невская, Т.Н.Свешникова, Т.М.Судник), занимавшихся проблематикой реконструкции текста, ее конкретных возможностей и пределов.

Реферируемая работы представляется актуальной в следующих отношениях:

- современные методы этнолингвистических исследований применяются к материалу, в настоящее время практически не известному фольклористам – чешским заговорам;
- в работе исследуются заговорные тексты, которые, являясь одним из самых архаичных жанров устного народного творчества, продолжают активно бытовать и сегодня;
- при этом во многом уточняются и сами теоретические принципы и аналитические методы этнолингвистического исследования;

- демонстрируются преимущества структурного подхода к анализу фольклорного материала;
- работа преследует не только описательные, но и объяснительные цели.

Чешские лечебные заговоры, избранные объектом настоящего исследования, сегодня практически не известны, они не исследуются ни в России, ни в самой Чехии: отчасти это объясняется тем, что они никогда не издавались отдельным сборником. В связи с актуальной в настоящее время проблемой жанровой дифференциации заговорно-заклинательного материала и отсутствием терминологической точности, часто приводящей к смешению текстов разных жанров (заговор, заклинание, молитва и т. д.), в исследовании приводится рабочее определение заговорного текста, позволяющее определить специфику и существенным образом ограничить объем потенциально доступного для изучения материала.

Материал для настоящей работы получен из нескольких источников. Значительную часть корпуса собранных текстов составили заговоры, публиковавшиеся в Чехии на страницах фольклорных сборников общего характера, этнографических описаний различных регионов чешского этнокультурного ареала, исследований по народной медицине компилятивного характера (труды К.Эрбена, Ф.Бартоша, Ч.Зибрта, Й.Чижмажа и др.). Другим источником стали издававшиеся в Чехии в XIX–XX вв. периодические издания (*Český lid*, *Květy*, *Národopisný věstník československý* и т. д.), большинство из которых были специальными этнографическими журналами. Отдельные заговорные тексты были сообщены информантами – носителями чешского языка.

В связи с отсутствием крупных репрезентативных подборок чешских заговоров, практической целью проделанной работы было собрать воедино большое количество чешских заговоров и опубликовать их в виде единого сборника, сопровождая каждый текст переводом на русский язык, комментариями, точными ссылками на источники и указанием той местности, в которой заговор был записан. Всего в работе было собрано воедино, переведено и проанализировано 300 чешских лечебных заговоров.

Теоретическая цель работы состояла в изучении лексики, семантики и символики чешских лечебных заговоров в соотношении как с семантикой и символикой сопровождающих тексты обрядов, так и в сопоставлении с общеязыковыми (словарными) значениями соответствующих лексем.

Эта цель предполагала решение целого ряда конкретных задач:

- поиск той методики описания, которая в оптимальной степени соответствовала бы как самому характеру исследуемого материала, так и

современным требованиям, предъявляемым к этнолингвистическим исследованиям;

- анализ всей совокупности текстов избранным методом;
- изучение семантики слова в заговоре на примерах групп лексем, представляющих наиболее важные для заговорного текста концепты;
- выявление особенностей семантики заговорного слова в сопоставлении с общеязыковым значением соответствующих лексем;
- исследование семантики слова в заговорном тексте в более широком контексте сопровождающего вербальный текст ритуала.

Научная новизна и теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней впервые собран воедино и исследован как единое целое значительный корпус чешских лечебных заговоров, выявлены особенности семантики составляющих их элементов, показана связь языка заговорного текста с другими кодами традиционной народной культуры (акциональным, предметным и т. д.).

Практическая ценность исследования. Как публикуемая впервые столь значительная подборка чешских заговорных текстов, так и теоретические выводы, сделанные в диссертации, могут быть использованы для дальнейшего изучения заговорных текстов не только чешского, но и других славянских этносов. Кроме того, результаты работы могут оказаться важными и для изучения символического языка славянской народной культуры в целом, что предполагает кроссжанровые фольклорные исследования.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы сообщались на Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира» (Москва, 1997 год), конференции «Слово как действие» (Москва, 1998 год), Международном коллоквиуме по семантике безличных предложений в славянских и романских языках (Лозанна, Швейцария, 1998 год), Международных чтениях памяти Н.С.Трубецкого «Евразия на перекрестке языков и культур» (Москва, 1999 год), Международной конференции «Динамика мира в разных культурах и языках» (Дубна, 1999 год), Международном коллоквиуме «Чтение В.фон Гумбольдта: лингвистика и философия» (Лозанна, Швейцария, 1999 год), Международной конференции «Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии» (Волгоград, 1999), конференциях «Проблемы лингвистической контактологии» (Москва, 1999) и «Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии» (Москва, 1999), обсуждались на заседаниях Отдела типологии и сравнительного языко-

знания Института славяноведения РАН, а также отражены в публикациях по теме диссертации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, двух приложений и библиографии.

Во *Введении* обсуждаются особенности современных тенденций в отечественной лингвистике и этнолингвистике и связанные с ними проблемы методологического характера, обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект, цели, задачи и материал исследования, описывается его методика. Здесь же предлагается рабочее определение заговорного текста, приводится подробная характеристика анализируемых заговоров, мотивируется необходимость изучения их как единого корпуса текстов. *Глава 1* посвящена истории изучения и публикаций заговорных текстов в Чехии. В *Главах 2 и 3* рассматривается смысловое наполнение концептов 'человек' и 'болезнь' (соответственно) в чешском лечебном заговоре. Итоги исследования подводятся и суммируются в *Заключении*. В работу включены два приложения. *Приложение 1* представляет собой семантический словарь-тезаурус, единицами которого является большинство знаменательных слов (существительных, глаголов, прилагательных, наречий и числительных), встречающихся в проанализированных в работе чешских заговорах. *Приложение 2* – сборник исследовавшихся в диссертации заговорных текстов с переводами, комментариями и указаниями на источники для каждого заговора. *Библиография* включает более 200 наименований отечественных и зарубежных исследований.

Краткое содержание работы

Во *Введении* охарактеризованы исследуемый материал, цели и методы работы, ее актуальность и научная новизна, дается рабочее определение заговорного текста, кратко обсуждается методология современных подходов к исследованию языка фольклора.

В последнее время было опубликовано огромное количество работ, посвященных описанию так называемой *картины (модели) мира* в различных ее аспектах: в частности, многие исследования были связаны с изучением языковой и фольклорной картин мира в разных традициях. Устанавливаемый между данными двумя понятиями параллелизм во многом способствовал сближению лингвистических и этнолингвистических исследований – что, конечно, нельзя считать случайностью. Язык и фольклор имеют много общего, а именно:

1) их анонимный и коллективный характер: язык и фольклор принадлежат не отдельному индивиду, но группе, всему коллективу;

2) возможная связь с архетипами коллективного бессознательного: фольклор, как и язык, по В.фон Гумбольдту, функционирует как *инстинкт интеллекта*;

3) их активная природа, проявляющаяся в акте превращения «мира» в «идеи» («die Verwandlung der Welt in Gedanken»¹).

Говоря о возможности переноса исследовательских методов с одного из двух рассматриваемых антропологических феноменов (язык – фольклор) на другой, выделим два различных подхода к исследованию произведений устного народного творчества. В свое время члены Пражского лингвистического кружка (Р.Якобсон, Н.Трубецкой, П.Богатырев) говорили о возможности применения статического (синхронного) метода изучения языка, предложенного Ф.де Соссюром, к этнографическому материалу: явления народной культуры, согласно пражцам, следовало изучать лишь взятыми в контексте определенного момента времени, динамики их развития. Тем самым постулировалось постоянное изменение как формы, так и функций этнографических фактов. Принимаемый во внимание при изучении народной культуры фактор развития позволял, тем самым, еще более сблизить язык с фольклором в методологическом отношении, представить последний не мертвым балластовым грузом, но живым и динамичным явлением, подобным в этом отношении языку: здесь уместно будет вспомнить гумбольдтовское противопоставление *Erzeugtes* ('мертвый продукт', *ἔργον*) / *Erzeugung* ('созидающий процесс', *ἐνέργεια*). В то же время, в большинстве работ по этнографии и этнолингвистике (написанных как в прошлом столетии, так и в последние годы) фактор времени как бы выносится за скобки самих исследований: тем самым авторы могут одновременно описывать явления, о которых говорится в средневековых рукописях, этнографических документах восемнадцатого-девятнадцатого веков – а также записях, сделанных их современниками, и т. д.

Сопоставляя эти два различных подхода к описанию явлений народной культуры, отметим, что если последний и может во многом оспариваться при изучении произведений некоторых фольклорных жанров

---

¹ См. *Humboldt V.von. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts // Gesammelte Schriften. Bd. VII. Berlin, 1907, S. 41.*

(особенно заметной ограниченность такого подхода становится при изучении жанров, с одной стороны, живых и сегодня, а с другой – постоянно меняющихся: загадка, поговорка и т. д.), то уникальное положение, занимаемое в ряду прочих жанров заговорами, вполне позволяет применять к ним этот метод. С одной стороны, заговоры активно бытуют и сегодня, доказательство чему – постоянно издающиеся сборники текстов, публикации на страницах периодических изданий и т. п. С другой стороны, заговор, без сомнения, может считаться одним из самых архаичных жанров народного творчества – и не только в том смысле, что определенные формы текстов магического характера встречаются уже в культурах древности, находящихся на ранних стадиях развития. Сакральный характер заговорных текстов препятствует их изменению во времени, ведь поменять хотя бы одно слово в заговоре означало бы для того, кто его использует, сделать недействительным *весь* текст, лишить заговор приписываемой ему магической силы. С течением времени заговор остается практически неизменным – а потому в настоящей работе один метод был использован для исследования как текстов, бытующих в Чехии в настоящее время и сообщенных нам информантами, так и заговоров, зафиксированных на страницах средневековых источников, а также текстов, собранных в девятнадцатом-двадцатом веках.

Для раскрытия и представления смыслового наполнения наиболее значимых заговорных концептов ('человек' и 'болезнь'), мы обратились к современным методам системной лексикографии: использование их в этнолингвистике и фольклористике во многом восходит к трудам Е.Бартминского и С.Е.Никитиной, применивших их для составления словарей языка фольклора, для описания системы фольклорных концептов. Разработанные ими способы системного описания семантики лексем, встречающихся в заговорных текстах, остаются на сегодняшний день единственными законченными и подробными методиками описания фольклорного слова: на уровне плана выражения в конкретном тексте фольклорные концепты реализуются определенным набором лексем, поэтому для наиболее полного и детального их представления составляется семантический (толковый) словарь самостоятельных слов, встречающихся в исследуемых текстах. Для каждой лексемы при этом указываются все семантические функции (их набор определяется заранее) и их значения, принимаемые на данном слове как аргументе соответствующих функций.

Наша работа велась с помощью ЭВМ. Особенности исследуемого материала (прежде всего, язык и жанр) повлекли за собой внесение

определенных изменений в разработанную методику, ее трансформацию – что выразилось в модификации структуры словарной статьи словаря и изменении стандартного набора семантических функций, описывающих единицы текстов. Сама работа с избранным методом заключала в себе возможность своеобразной автоверификации. Дело в том, что практически для каждой семантической функции f (исключения специально оговаривались) можно указать семантическую функцию ϕ , связанную с ней следующим соотношением:

если $f[\phi(A)] = B$, то $\phi[f(B)] = A$,

где A и B – лексемы, словоформы которых фигурируют в чешских заговорных текстах.

Поэтому, если лексема B выступала в значении функции f в словарной статье лексемы A , предполагалось фигурирование последней в значении функции ϕ в словарной статье лексемы B . (Все исключения из этого правила оговаривались отдельно).

В заключительной части Введения указывается на необходимость обращения к предметному и акциональному кодам лечебного обряда для лучшего понимания семантики его вербальной составляющей.

В *Главе 1* диссертации – «*Из истории изучения и публикаций заговорных текстов в Чехии*» – приведен обзор работ чешских исследователей заговоров.

Изучение истории научных дисциплин или их отдельных фрагментов каждый раз дает нам возможность рассматривать изучаемые явления с разных точек зрения: в этом смысле, мы можем видеть каждый изучаемый феномен не только через призму его – часто многочисленных – отдельных интерпретаций, но и в рамках того, что называют сегодня *научными парадигмами* (здесь мы сознательно опускаем вопрос о том, насколько понятие *парадигмы*, введенное в научный обиход Т.Куном², может быть применимо к гуманитарным наукам). Именно с позиций данного подхода – *эпистемологии*, изучения изменений ориентации в направлении развития научной мысли – нам представлялось бы интересным рассмотреть работы ученых-исследователей чешских заговоров, написанные и опубликованные в Чехии, а также простые публикации заговорных текстов. Однако количество теоретических работ, по-

---

² См. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1970.

священных чешским заговорным текстам, ничтожно мало: фактически они никогда не становились предметом специальных серьезных исследований. Самых публикаций заговоров в Чехии было больше, однако все они носили разрозненный характер: отдельным сборником чешские заговоры никогда не издавались, что, разумеется, сильно затрудняло и общетеоретические исследования. Тем не менее, в истории изучения и публикаций чешских заговорных текстов можно выделить пять периодов, каждый из которых характеризуется определенными исследовательскими тенденциями: временные границы данных этапов маркируют изменения, связанные не только с изучением предмета нашего исследования, но и с развитием гуманитарных наук вообще.

Так, в Средние века ни о каких специальных исследованиях, связанных с заговорными текстами, речи, конечно, быть не могло: это объясняется самым синкретическим характером, свойственным средневековой науке. Тем не менее, средневековые памятники до сих пор остаются ценными источниками заговорных текстов. Так, уже в рукописном памятнике двенадцатого века (1125 г.) летописец по имени Козьма (Kosmas) упоминал старшую сестру легендарной основательницы Праги Либуше – Казу, сравнивая ее с древнегреческой колдуньей Медеей. Жившая, по преданию, в IX веке, эта молодая женщина умела исцелять болезни и отгонять смерть “травмами и песнями” (*herbis et carminibus*). Сами тексты целебных «песен» в этом памятнике, к сожалению, не приводились. Самый старый из известных на сегодняшний день чешских лечебных заговоров восходит к тринадцатому веку: с его помощью исцеляли людей, одержимых бесами: *Vy símě proklaté! Boží mocí kazuji vem, abyšte šli od-tudto ven: Na půšči jděte a nikomu neškod'te!*³ ‘вы, семя проклятое! Божьей силой приказываю вам, чтобы шли отсюда вон: уходите в пустыни и никому не вредите!’.

Хотя с началом эпохи Возрождения объем публикуемого заговорного материала практически не возрастает, большинство публикаций заговорных текстов перестает носить анонимный характер. Из авторов работ, содержащих заговоры, назовем Я.Благослава, М.Поличанского, М.Штейра, Б.Биловского. Другая особенность заговорных публикаций этого периода по сравнению с предыдущим состоит в том, что все чаще тексты приводятся в них уже не на латыни, но на славянских языках.

---

³ Во всех приводимых в работе текстах сохранены орфография и пунктуация оригинального источника, указываемого в диссертации.

Одной из характерных особенностей эпохи Национального возрождения в Чехии (или, если шире, *эпохи Романтизма* в целом) было проявление интереса к национальному прошлому, часто сопровождавшееся его идеализацией, – а потому и к фольклорным традициям. Неудивительно поэтому, что в это время резко возрастает и количество публикаций заговорных текстов. Сам “дух времени” способствовал интересу к этнографии и фольклору настолько, что нередко ими увлекались исследователи-специалисты в других областях, а также писатели-беллетристы, черпавшие в памятниках народной культуры вдохновение и материал для своих произведений (археолог В.Кролмус, литераторы Б.Немцова и П.Соботка). Заговорные тексты начинают публиковаться как на страницах специальных периодических изданий, так и в фольклорных сборниках более общего характера. Часто они составляли фрагменты работ по народной медицине, авторы которых стремились к как можно более подробному описанию лечебных средств и необходимых магических действий.

Наибольшее количество заговорных текстов было опубликовано в Чехии в *период с семидесятых годов девятнадцатого до тридцатых-сороковых годов двадцатого столетия*. Именно это время начала большого потока публикаций связано, с одной стороны, с отголосками настроений эпохи Национального возрождения с ее интересом к фольклору и народной культуре в целом, а с другой – с появлением в это время работ английских и французских антропологов и этнологов (Г.Спенсер, Э.Тайлор, Д.Фрэнзер, Л.Леви-Брюль), чьи труды во многом стимулировали и исследования о развитии европейской культуры. Наиболее показательны в этом отношении публикации Ф.Бартоша и Ч.Зибрта.

Работами о заговорах, подводящими итог данному периоду, можно считать специальные исследования Й.Чижмажа и Й.Матиежки: работы первого автора ценны сегодня прежде всего большим количеством содержащегося в них заговорного материала, тогда как в трудах второго исследователя впервые преодолевается описательно-эмпирическая привязанность к исследуемым текстам и намечаются основы анализа и теоретических исследований чешских заговоров.

Публикации и исследования заговорных текстов, изданные в Чехии в *период с тридцатых-сороковых годов двадцатого столетия до настоящего времени*, существенным образом отличаются от предшествующих. Основных отличий два. Во-первых, само количество статей, посвященных заговорам, резко уменьшается, сходит на нет. Во-вторых, начиная с этого времени, практически исчезают публикации, в которых

были бы представлены только заговорные тексты, безо всякого анализа и комментариев к ним. Теперь исследователи вовсе не стремились к тому, чтобы познакомить своих читателей с неизвестными текстами: необходимый для анализа материал к этому времени уже был накоплен в достаточном количестве. Фольклористы сосредотачиваются, в основном, на комментариях к уже опубликованным текстам, в отдельных случаях дополняя опубликованные ранее подборки известных исследователей. Вообще же во второй половине текущего столетия заговоры занимают в теоретических работах чешских фольклористов очень скромное место, по сравнению с произведениями других жанров устного народного творчества. Во многом этим и объясняется то, что изучение заговорного материала в Чехии оказывается не охваченным ведущими тенденциями, свойственными фольклористическим исследованиям данного времени. Речь идет о выделении и анализе структурных элементов произведений определенного жанра, выявляемых в свете сравнения соответствующих текстов из нескольких традиций – при этом желательно, чтобы последних было привлечено как можно больше. Сегодня чешские заговорные тексты в Чехии практически не известны – как, впрочем, и в современной России.

Специальный раздел главы посвящен географии распространения и фиксации заговорных текстов в Чехии: все населенные пункты, в которых записывались анализируемые в работе заговоры, были отмечены на карте. Картографирование собранного материала показало, что большинство заговорных текстов было записано в центральной и южной частях Чехии, неподалеку от крупных городов (Прага, Нимбурк, Писек, Ческе-Будейовице, Табор). Рядом с крупными городами велись записи и в Моравии (окрестности Брно, Злина, Оломоуца). Это может свидетельствовать о том, что отражаемые в фольклорных записях места фиксации заговоров часто говорят не только об областях распространения текстов, но и о географии самих этнографических исследований.

Глава 2 – «Текст человека» – посвящена исследованию смыслового наполнения концепта ‘человек’ в чешском заговорном тексте.

Лечебный заговор антропоцентричен: все происходящее в нем оценивается сугубо с точки зрения человека, взгляды и насущные потребности которого структурируют заговорную модель мира. И пространственно-временной комплекс заговора, и его персонажи, и все прочие элементы заговорного универсума, образуя многочисленные семантические оппозиции, в то же время формируют и более общее противопоставление *положительный/отрицательный*: *положительным* в заго-

воре оказывается все то, что способствует исцелению и так или иначе с ним связано, а *отрицательным* – то, что ему препятствует. Именно объект заговора⁴ становится, таким образом, той “нулевой точкой”, тем “нулем”, в котором берет начало семантическая система координат заговора и от которого ведется отсчет всех его “плюсов” и “минусов”.

Эта нейтральная (не являющаяся ни положительной, ни отрицательной) природа объекта заговора проявляется, в частности, в изображении его существом исключительно телесной природы, совершенно лишенным какой бы то ни было индивидуальности. Словоформы лексем, называющих заговорного человека, практически никогда не выступают в значении субъектов при глаголах, называющих действия, не определяются они и атрибутами-прилагательными. Более того, количество лексем, называющих духовные и душевные качества человека, в лечебном заговорном тексте минимально по сравнению с числом слов, обозначающих органы и части тела. Так, во всем рассмотренном нами массиве чешских заговорных текстов лишь один раз встретилось слово *duše* ‘душа’: *Počalo se dítě v mateři své čtyřicátý den, když Pán Kristus do toho těla duši vлил...* ‘зачалось дитя в матери своей, на сороковой день Господь Христос в это тело душу влил...’.

Объект заговора – реальный больной – изображается в лечебном заговоре как персонаж, существующий исключительно на материальном (телесном) уровне. В этой связи неудивительно, что он часто метонимически называется отдельными частями своего тела: *bachor* ‘брюхо, пузо’, *tělo a oko* ‘тело и глаз’, *hlava* ‘голова’ и т. д. И хотя в силу своей специфики лечебные заговорные тексты описывают людей не здоровых, но больных, пораженных теми или иными недугами, сам вербальный процесс лечения, представляемый такими текстами, позволяет узнать многое о мифопоэтических представлениях о строении человеческого тела.

Исследователями заговоров уже неоднократно отмечалось, что многие из этих текстов можно считать своеобразными конспектами архаичной функциональной анатомии, обнаруживающими всю глубину классификационных и таксономических функций. Заговор функционален – а потому его концептуальное и лексическое наполнение (выбор конкретных лексем и их частотность) определяется прагматикой текста, теми практическими задачами, которые обуславливают и само существование

---

⁴ Под объектом заговора мы понимаем того конкретного больного, на исцеление которого и направляется заговорный текст. В случаях автотерапии объект заговора совпадает с его субъектом, то есть исполнителем.

заговора как особого фольклорного жанра. Это проявляется, в частности, в том, что одни сферы лексики представлены в заговорах подробно и детально (что дает основания говорить об «энциклопедичности» заговора), тогда как другие, напротив, оказываются сильно редуцированными. К наиболее детально разработанным в лечебных заговорах сферам лексики относятся слова, называющие состав человеческого тела, что легко объяснимо, исходя из общей прагматики соответствующих текстов. Можно, таким образом, говорить о тенденции к существованию прямо пропорциональной зависимости между значимостью конкретных концептов для субъекта заговора и частотой употребления соответствующих лексем в заговорном тексте.

Перечисляемые в заговорных текстах органы и части тел антропоморфных персонажей в функциональном отношении оказываются неоднородными, и наряду с органами-«жертвами», которых в заговорах большинство (это органы и части тела изображаемого больного, объекта заговора), можно говорить об органах-«вредителях» (части тел вредоносных антропоморфных персонажей) и органах-«целителях» (принадлежащих заговорным персонажам-святым и самому субъекту заговора, в данном случае противопоставляемому заговорному объекту как жертве болезни), а также органах-«проводниках» болезни в человеческое тело. Численное преобладание именно лексем, выступающих в заговорных текстах в значении органов-«жертв», обуславливается конкретными практическими задачами, стоящими перед исполнителем заговора в момент произнесения текста.

Органы-“жертвы”

Лишь в очень немногих заговорах в чешской традиции упоминается только один пораженный болезнью орган: в большинстве текстов представлены целые цепочки лексем, называющих пораженные недугами части тела, как видимые, так и невидимые, внутренние. При этом именно заговорные формулы, описывающие состав человеческого тела, позволяют вписать чешские лечебные заговоры в более широкую индоевропейскую заговорную традицию. То, что параллели, существующие между заговорами разных традиций, со всей отчетливостью проявляются именно в тех формулах, где фигурируют названия частей тела, по-видимому, неслучайно. Если оперировать эволюционистскими терминами общего происхождения, родства и генеалогии в целом, то можно говорить о возможности отнесения причин такого сходства к древним индоевропейским истокам. С другой стороны, чисто типологическое сопоставление

заговорных текстов разных традиций позволяет объяснить большую степень их подобия прежде всего универсальностью прагматических задач, стоящих перед субъектом заговора.

В заговорах чешской традиции можно выделить два вида формул, позволяющих вписать эти тексты в более широкий индоевропейский контекст.

1. Формулы, описывающие состав человеческого тела цепочками пар лексем, где оба члена каждой пары, соединяемые предикатом со значением синтеза (центростремительный тип движения), называют один и тот же орган или часть тела: *Sejdiž se kost ke kosti, kloub k kloubu* 'сойдись, кость к кости, сустав к суставу'; *stup kloub do kloubu, maso do masa, krev do krve, žila do žily* 'ступай, сустав к суставу, мясо к мясу, кровь к крови, жила к жиле'.

Элементы, входящие в эту формулу, перечисляются, как правило, изнутри вовне. Предикаты же, соединяющие данные пары, встречаются не во всех текстах с такими конструкциями, что свидетельствует, скорее всего, о редукции, исчезновении последних в чешской традиции.

2. Формулы, описывающие изгнание болезни из органов и частей человеческого тела. Они представляют собой цепочки лексем, называющих органы и части тела, которые могут быть двух видов:

а) последовательность лексем, перед каждой из которых употреблены предлоги со значением отдаления (z, od): (*Odstupte*) *z těla, z očí, z klapek, z řasy, z vlasů, z nechtů, z kostí, z krve, z rukou, z nohouch, ze žil, od srdce* '(отступите) из тела, из глаз, с век, с ресниц, с волос, из ногтей, из костей, из крови, из рук, из ног, из жил, из сердца'; (*vystupujte*) *z jeho očí, z jeho žil, z jeho kostí* '(выйдите) из его глаз, из его жил, из его костей';

б) последовательность лексем, организованных в пары. В каждой из таких пар, начиная со второй, первый составляющий ее элемент является тем же, что и второй элемент предшествующей пары. Перед каждым из двух элементов, составляющих пару, стоят предлоги с противоположными значениями (z... do): *Z hlavy let'te do dásní, z dásní let'te do zubů, ze zubů let'te do krku, z krku let'te do prsou, z prsou let'te do žaludku, ze žaludku do břicha, z břicha let'te do nohou* 'из головы летите в десны, из десен летите в зубы, из зубов летите в шею, из шеи летите в грудь, из груди летите в желудок, из желудка в живот, из живота летите в ноги', *vyháním z hlavy do ramen, z ramen do pasu, z pasu do nehtů a z nehtů ven* 'выгоняю с головы до плеч, с плеч до талии, с талии до ногтей, а из ногтей вон'.

Каждая из этих последовательностей, как правило, предваряется предикатом со значением 'выходить' ('перемещаться') или 'выгонять'.

Сам порядок перечисления лексем, входящих в формулы второго типа, часто оказывается обратным по отношению к тому, который отражают формулы первого типа ('кость к кости...'): болезнь изгоняется изнутри вовне (центробежный тип движения) и сверху вниз. Такой порядок объясняется самой логикой изгнания недуга из человеческого тела, за его пределы: неслучайно, что последний компонент, входящий в эти формулы, может называть не орган или часть тела, но нечто, находящееся за пределами организма (некоторый элемент ландшафта, в который изгоняется из тела болезнь): *Z hlavy let'te do dásní, z dásní let'te do zubů, ze zubů let'te do krku, z krku let'te do prsou, z prsou let'te do žaludku, ze žaludku do břicha, z břicha let'te do nohou, z nohou let'te na hory a na skály* 'из головы летите в десны, из десен летите в зубы, из зубов летите в шею, из шеи летите в грудь, из груди летите в желудок, из желудка в живот, из живота летите в ноги, из ног летите на горы и на скалы'.

Свойственная мифопоэтическому восприятию мира возможность установления соответствий между целым и его частями в заговорах проявляется и в том, что некоторые свойства, присущие определенным частям человеческого организма, переносились на все тело в целом – а значит, и на все прочие его части. Эта тенденция особенно хорошо просматривается на примерах из заговорных текстов, изначально направленных на исцеление от болезней лишь определенных частей тела. В таких заговорах недуг часто изгоняется не только из соответствующих органов, но и из многих других. Согласно логике сопричастия, симпатии, лежащей в основе заговора, болезнь никогда не может поразить только один орган или часть тела: баланс нарушается в организме в целом, и поражается сразу все тело. Поэтому, например, глазные недуги (например, *živé vlasy* 'живые волосы') в заговорах изгоняются из жил, костей, конечностей и всего тела в целом: *Vystupujte vlasy na ty jarní klasy z jeho očí, z jeho žil, z jeho oudů, z jeho kostí, z jeho celého těla* 'выходите, волосы, на эти весенние колосья из его глаз, из его жил, из его членов, из его костей, из всего его тела'; глисты оказываются не только 'кишечными' (*střevní*) и 'желудочными' (*žaludeční*), но и 'кровяными' (*krevní*, то есть 'обитающие в крови'), и 'легочными' (*plicní*, 'поражающие легкие'): *Byla panna Maria přečistá, / měla tři vlastní sestřičky: / jedna předla, / druhá vila, / třetí na škrkavky žehнала; / žehнала srdečným, / jaterním, plicním, / krevním, střevním* 'была Дева Мария пречистая, / у нее были три родные сестрички: / одна пряла, / другая плела, / третья глисты заговаривала: / заговаривала сердечные, / печеночные, легочные, / кровяные, кишечные' и т. д. С другой стороны, здесь можно говорить и об определенной десемантизации лексем,

называющих органы и части тела: употребленные в совокупности, они утрачивали свое конкретное смысловое наполнение слов – видовых названий и начинали обозначать лишь (какие-то) неопределенные части определенного целого, обозначаемого (родовым) понятием, в данном случае – *tělo* ‘тело’.

При всей детальности описания телесного состава объекта заговора, оно остается схематичным - его можно отнести к любому заболевшему, вне зависимости от каких бы то ни было личных особенностей последнего. Здесь снова включается фактор прагматики: желательно, чтобы заговор мог быть применен, в случае необходимости, к любому человеку. Схематичность и абстрактность описания объекта заговора возводят конкретного человека-больного на архетипический уровень, а нерелевантность признаков «пол» (всегда) и «возраст» (часто) в заговорных описаниях позволяют провести параллель с образом Первосущества, Первочеловека – того принесенного в жертву бесполого великана, из частей тела которого, согласно существующим во многих традициях космогоническим мифам, была создана вселенная и ее отдельные части.

Состав и плоть заговорного человека, таким образом, оказываются связанными с космической материей как основой объектов природного мира, вследствие чего можно говорить как о материальном (в первую очередь), так и о функциональном единстве микро- и макромира, о лежащих в основе мифопоэтической логики соответствиях между органами и частями человеческого тела, с одной стороны, и объектами природного мира, с другой.

Чешские заговорные тексты представляют возможность выявления некоторых таких соответствий: органы человеческого тела часто сравниваются и/или ассоциируются в этих текстах с элементами макрокосма – см. Таблицу 1.

Таблица 1.

Соответствия между частями тела человека и объектами природного мира, выявляемые чешскими лечебными заговорами

Концепты ‘части тела’	Концепты ‘объекты природного мира’
Глаз	Солнце, цветок
Кость	Камень
Шея	Горы, скалы
Горло	Источник, родник
Зуб	Рог месяца
Туловище	Небесное тело (солнце, месяц)

Как можно видеть, представленные соответствия довольно немногочисленны, что может указывать на отнесенность чешских лечебных заговоров к относительно позднему этапу в развитии человеческой мысли, когда представления человека о космосе уже начинают утрачивать антропоморфный характер.

Органы-“вредители”

Если анатомические схемы, описывающие телесную природу заговорного больного, детальны и подробны, то в заговоре упоминаются лишь отдельные органы и части тела, принадлежащие антропоморфным персонажам – источникам болезней. Чаще всего таковыми оказывались глаза и волосы. Именно с ними, по-видимому, и связывалась в мифопоэтическом сознании вредоносная природа заговорных персонажей, способных насылать болезни и причинять вред. Поэтому мы назовем эти части тела органами-«вредителями».

Так, недобрый взгляд мог спровоцировать сглаз. В русском языке мифопоэтическое представление о возможной вредоносной силе человеческого взгляда и глаз отражено в самой внутренней форме слова *сглаз*. В чешском этого нет: мифопоэтические представления о заболевании *uhranutí* ‘сглаз’ связывались, прежде всего, с актом речи, процессом говорения. Однако связь данного заболевания с процессом зрительного восприятия сохранилась в одном из (гораздо менее употребительных) названий сглаза – *přehlídká*: этимологически данное слово связано с глаголом *hleděti* ‘глядеть’.

В чешских заговорах обращает на себя внимание отсутствие представления о значимости сглаза с каким-то одним, конкретным вредителем: сглазить может и женщина, и мужчина, и юноша, и девушка, и мальчик, и девочка, и ребенок и т. д.: *Jest-li tě kdo uhranul / bud' muž, nebo žena, / bud' mládenec, nebo panna, / bud' pachole, nebo děvče* ‘если тебя кто-то сглазил, / мужчина или женщина, / юноша или девица, / мальчик или девочка’. Чаще всего даже цвет глаз не имел особого значения: согласно чешским заговорам, сглазить можно глазами синего, черного, красного, зеленого цветов и т. д.: *Jest-li tě kdo uhranul / jakýma koli očima: / bud' modrýma, neb zelenýma, / bud' černýma, neb červenýma* ‘если тебя кто-то сглазил, / какими угодно глазами: / синими или зелеными, / черными или красными’. Человеческий глаз, в таких контекстах, представлялся мифопоэтическому сознанию не как часть тела или орган зрения какого-то конкретного (в данном случае, заговорного) персонажа, но как особенный локус, опасный и чужой мир, не похожий на мир человеческий. Или, говоря иначе, *oko* представлялось дверью, или *ок-ном* – в иной мир.

В некоторых же чешских заговорах можно найти свидетельства мифопоэтического восприятия глаза не просто как «окна», ведущего в иной мир, – но как особого энергетического канала, соединяющего человеческий мир с нечеловеческим. В таком случае энергия, исходящая из человеческих глаз (сила взгляда), способна была вызвать рост и развитие, тогда как ее отсутствие вело к стагнации и исчезновению. Такое восприятие зрения также имело свои «медицинские» последствия: человек мог вылечиться от болезни, если он *не смотрел* на ее симптомы, как бы не видел, не замечал их, нарочно перенося свой взгляд на что-то иное: *Co vidím, at' přibejvá, co nevidím, at' ubejvá* 'то, что я вижу (месяц), пусть прибывает, то, чего не вижу (болезнь), пусть убывает...'

Другой (потенциально) вредоносной частью тела в чешских заговорных текстах представляются волосы. В отдельных контекстах заговоров прилагательное *svatý* 'святой', рифмуясь, противопоставлялось прилагательным *bradatý* 'бородатый', *vlasatý* 'волосатый', *fousatý* 'усатый': в этом можно видеть один из частных случаев проявления оппозиции "телесный/духовный" в заговоре. Все последние лексемы образованы от существительных, называющих волосистой покров человеческого тела, волосы. Как и в предыдущем случае (концепт 'глаза'), о негативных коннотациях, связанных с мифопоэтическим восприятием этой части тела, свидетельствует отсутствие связи концепта 'волосы' с каким-то одним, конкретным антропоморфным персонажем. Показательно в этой связи и одно из названий болезней, упоминающихся в чешских заговорах: *živé vlasu* 'живые волосы', при которой ресницы (т.е. волосы, волоски) начинали расти внутрь глаз. Оно дает основание предположить, что в мифопоэтическом видении мира волосы представлялись особыми самостоятельными существами хтонической природы, способными оказывать на людей вредоносное воздействие – в частности, вызывать болезни. Имея в виду весь комплекс представлений мифа, в том числе и звуковое оформление его составляющих, укажем прежде всего на связь чешской лексемы *vlas* 'волос' со славянским Волосом-Велесом, противником Громовержца в сюжете основного исходного мифа славянской мифологии: в таком случае (представление о волосах как о самостоятельных существах) налицо ассоциативный ряд *Велес/змея – волос*.

Органы-“целители”

Телесные органы антропоморфных персонажей-святых и самого изображаемого текстом целителя – субъекта заговора считались способными оказывать лечебное воздействие, поэтому их можно назвать

органами-«целителями». Именно так репрезентируются в чешских заговорах концепты-мифологемы, выражаемые лексемами *jazyk* 'язык' и *prst* 'палец'. Лексемы, обозначающие два этих органа, часто выступают в заговорах в значении инструмента, посредством которого совершается действие – и языком, и пальцами заговаривают болезни: *N. má veliké bolesti, od Boha dáné neřesti. Žehnám to s mým červeným jazykem* 'у Н. (имярек) сильные боли, от Бога данные грехи. Заговариваю их своим красным языком'; *láska kosti, zlá bolesti, zaříkám tě pěti prsty, abys nemohla růsti* 'любовь кости, злая боль, заговариваю тебя пятью пальцами, чтобы ты не могла расти'. По-видимому, отражаемое в заговорных текстах восприятие именно этих двух частей человеческого тела как органов-«целителей» не случайно. Известно, что человеческое тело отличается от тела животного двумя наиболее значимыми признаками. Во-первых, это способность человека говорить (полости рта и гортани приспособляются для производства речи). Во-вторых, это высвобождение человеческих рук (следствие прямохождения) и приобретаемая ими способность к созиданию. Но исключительными особенностями тех же органов – языка и пальцев рук – заговорный *homo magicus* (субъект заговора как целитель) отличался от всех других антропоморфных персонажей: речь идет о даре заговаривать, то есть исцелять речью (с помощью языка как особого органа) и прикосновениями (пальцами).

Органы-«проводники болезней»

Наконец, заговорные тексты рисуют некоторые органы «проводниками», через которые болезнь могла входить в человеческое тело. Судя по употреблению словоформ соответствующих лексем, в чешских заговорах такими органами были нос («проводник» насморка) и глаза (через которые в тело человека входила головная боль): *Vlez moja réma do tvého nosa!* 'пусть мой насморк влезет к тебе в нос!'; *jdu já k jednomu mláďenci, lézou mu vlci do očí, chci mu od toho odpomoci* 'иду я к одному юноше, лезут ему волки в глаза, хочу ему (от этого) помочь'.

В Моравии существовала пословица: *Nemoc má stero cest do těla a tři z těla: horem, spodem a koží* 'у болезни сто путей в тело и (только) три из тела: верхом, низом и через кожу'. Заговоры же показывают лишь два из всех возможных «ста» (то есть множества) путей болезни в человеческое тело, что объясняется самой прагматикой текстов, стоящими перед субъектом заговора конкретными практическими задачами: в момент произнесения заговора гораздо более важным оказывается изгнать болезнь из

уже пораженных органов, чем гадать о том, какими именно путями она могла прийти в человеческое тело.

Итак, тело описываемого заговором человека предстает в функциональном отношении неоднородным: хотя большинство лексем, обозначающих части тела, называют органы, уже поврежденные болезнью, отдельные из них могут называть органы-«вредители», органы-«целители» и органы-«проводники» (болезни в человеческое тело). Именно прагматика заговора обуславливает при этом численное преобладание в текстах лексем, называющих именно органы-«жертвы».

Глава 3 диссертации носит название «*Текст болезни*»: речь в ней идет о мифопоэтических представлениях о болезни, выявляемых заговорными текстами в чешской традиции. Кроме того, здесь приводится классификация названий заболеваний, фигурирующих в лечебных заговорах.

В рамках определенной культурной традиции, мифопоэтические представления человека о болезнях отражаются не только фольклорными текстами, но и самим языком: синтагматикой (фразеологизмы и устойчивые сочетания, раскрывающие коннотации соответствующих слов) и внутренней формой лексем. Именно последний критерий лег в основу составленной классификации болезней: все обозначения заболеваний, встречающиеся в названиях обработанных чешских заговорных текстов, условно были разделены на несколько групп, каждая из которых отражала определенный способ или особенность восприятия недуга. Условность же данного разбиения всего множества соответствующих лексем (проявляющаяся в пересечении, на некотором ограниченном наборе элементов, данных групп-подмножеств) может свидетельствовать об отсутствии единого и целостного взгляда на болезнь в мифопоэтических представлениях: вырисовывающийся в них образ болезни оказывается довольно эклектичным.

Многие особенности мифопоэтического восприятия болезней, отраженные во внутренней форме соответствующих лексем, выявляются и в заговорных текстах. Так, чешские заговорные тексты отражают следующие особенности мифопоэтического восприятия болезни:

- *болезнь как самостоятельное существо*, «тело» которого вовсе не обязательно совпадает с телом больного (современные взгляды на болезнь). Эта мифопоэтическая «способность» болезни существовать отдельно и независимо от человека (анимистическое мировоззрение) в большой степени определяется и наличием у нее ее собственного мира, из которого она приходит к человеку и куда должна вернуться после (post hoc ergo propter hoc!) произнесения заговорного текста: *Odkud jsi přišla*,

abys zas odešla. Přišla-li jsi z vody, jdi do vody, přišla-li jsi z větru, jdi do větru, přišla-li jsi z kamení, jdi do kamení. Odkud isi přišla, abys zas odešla ‘откуда ты пришла, чтобы снова (туда) ушла. Пришла ли ты из воды, уходи в воду, пришла ли ты с ветра, уходи на ветер, пришла ли ты из камня, уходи в камень. Откуда ты пришла, чтобы снова (туда) ушла’.

Разделение человека и болезни, таким образом, маркируется в заговоре категориями пространства (семантике которого посвящена отдельная часть данной главы), а непосредственной целью лечебного текста становится отсылка болезни *на свое место*, ее возвращение в тот мир, откуда она пришла к человеку – и, тем самым, космоизация универсума, восстановление нарушенного миропорядка;

• болезнь как существо зооморфное. Один из продуктивных способов номинаций заболеваний в чешском языке – обозначение их словами-зоонимами. Эта же тенденция характерна и для заговорных текстов, где в качестве номинаций болезней фигурируют лексемы, называющие насекомых и хтонических животных: *šelmy* ‘хищники, хищные животные’, *včely* ‘пчелы’, *vlk* ‘волк’ и т. д.

В этой же части работы рассматривается система зоонимов в чешском лечебном заговоре. В частности, указывается, что, в отличие от насекомых и диких животных, враждебных человеку и ассоциирующихся со стихией хаоса и болезни, домашние животные (это скот: конь, осел, баран и ягненок) наделены положительной символикой. Конь и осел принадлежат персонажам-святым, а баранья шерсть называется в одном из текстов тем средством, с помощью которого можно исцелить от болезней. Ягненок при этом помещается на оливковом дереве, растущем на горе, что вызывает ассоциации с образом делящегося на три части Мирового дерева – с его средней частью соотносятся копытные: *Idětež tam dva svatí na horu Olivetskou, utrhňte tam beránka na olivě, setřete mně tím s tohoto oka bělmo* ‘идите (туда), двое святых, на гору Оливецкую, сорвите там барашка с оливкового дерева, сотрите мне этим бельмо с глаза’;

• болезнь как существо женского пола, что подчеркивается оформлением лексем, называющих болезни, грамматическими показателями женского рода: *božice, červice, mzice, psotnice, snědlice, oběťice* и *ouběťice, újmice, střelice* и *oustřelice, růžice, včelice, kostnice, lekmutice* и т. д. Кроме того, грамматические показатели женского рода имеет и большинство существительных, выступающих в текстах в функции номинаций для аргументов-лексем, называющих болезни.

Это представление о природе болезней в какой-то степени дает нам ключ и к разгадке тайны личности заговаривающего, лица, произносяще-

го заговор – того «я», которое, являясь величиной переменной, как бы выносится за скобки всего произносимого текста, однако без которого последний и вовсе не может существовать в конкретной реальности. В чешской традиции существовало два типа ограничений на круг исполнителей заговоров. С одной стороны, некоторые заговорные тексты считались действенными лишь в устах людей, в совершенстве освоивших тайны своих ремесел: так, в чешских источниках упоминаются *pověry kovářské* ‘кузнечные (заговорные) поверья’, *kouzla střelecká* ‘стрелецкое колдовство’, *čáry mlynářské* ‘мельничьи чары’, *pověry a zařikadla mydlářské* ‘поверья и заговоры мыловаров’. С другой стороны, очень многие заговорные тексты должны были произноситься женщинами, сама природа которых как бы ставила их в один ряд со знахарями-мужчинами, обладающими способностями исцелять от болезней благодаря не своим природным данным, но приобретенному знанию. Такое положение дел можно считать одним из проявлений принципа симпатической магии, логике которой следует большинство заговорных текстов: *similia similibus curantur*, подобное можно исцелить только ему подобным, а следовательно, справиться с болезнью (существом женского пола) можно, лишь обладая ее природой, то есть будучи женщиной.

В этой же части главы рассматривается система заговорных персонажей;

• болезнь как существо определенного возраста. Свойственная мифопоэтическому мировосприятию тенденция к одушевлению болезней проявляется в заговорных текстах и в том, что, помимо половой дифференциации персонифицированных недугов, в них имеет место и возрастная. Это выражается соответствующими словообразовательными моделями: наряду с “парами” болезней, в чешских заговорах появляются и целые их “семьи”: *božec-božice-božatky, střile-střilata* и т. д.;

• болезнь как множество демонов: показательно, что словоформы лексем, называющих болезни, фигурируют в заговорах в форме множественного числа, а большинство числительных, встречающихся в заговорных текстах, также сочетается именно с названиями недугов;

• болезнь как существо многоцветное. Для чешских заговоров верным оказывается не только тот факт, что большинство существительных – названий болезней сопровождается в текстах определениями. Практически все атрибуты, встречающиеся в заговорных текстах, связаны со словами, обозначающими либо сами болезни, либо их мир. Наиболее показательны в этом отношении прилагательные-цветонаименования (соответствующая модель номинации болезней – по визуальной симпто-

матике – является одной из наиболее продуктивных и в чешском языке): большинство болезней в заговорах рисовались пестрыми и разноцветными – как, впрочем, и тот мир, из которого они приходили к человеку. По-видимому, разноцветная пестрота в мифопоэтическом мировосприятии связывалась с отрицательными коннотациями, представляясь одним из атрибутов мира хаоса и смерти, в связи с чем можно говорить об особой мифологеме цвета в заговорном тексте.

Основная особенность семантической организации заговорного текста, обнаруженная при анализе чешских заговоров, – десемантизация видовых лексем и их смысловая нейтрализация в пределах родового понятия (семантического поля). Сближению семантики этих слов часто способствует и употребление их в одинаковых синтаксических позициях, вследствие чего соответствующие лексемы оказываются значениями одних и тех же семантических функций для одних и тех же аргументов. В Главе 2 это было показано на примере лексем, называющих органы и части человеческого тела, в Главе 3 – наиболее наглядно проиллюстрировано существительными, называющими элементы ландшафта и природного мира.

В рамках данного процесса, семантика многих употребленных в заговорном тексте лексем могла довольно сильно изменяться в сопоставлении со словарными значениями соответствующих слов. Один из наиболее интересных примеров – изменение значения слова *moře* ‘море’. Так, в отличие от обычного, заговорное море может находиться и в лесу, и в горах, и в скалах. Отсюда возникают следующие обращения к болезни: *Jdi na hory, na skály, dříví káceti, vodu z moře pítí* ‘уйди на горы, на скалы, деревья валить, воду из моря пить’; *let’te radči do lesa, trávu trhejte, dříví štípejte, vodu z moře pijte* ‘летите лучше в лес, траву дергайте, деревья щиплите, воду из моря пейте’. С другой стороны, в заговорное море мифопоэтическое сознание помещало целый небосвод, деревья и землю – семантика концепта ‘море’ в чешском заговорном тексте, таким образом, оказывалась вполне сопоставимой со значениями понятий *вселенная, космос, мироздание*. Отчасти это может быть объяснимо тем, что в чешской (заговорной) модели мира концепт ‘море’ не отсылает к реальному денотату физической действительности, выступая своего рода квинтэссенцией всего чуждого, иного и опасного для человека: отсюда связь слова *moře* с наиболее частотными лексемами, описывающими чужой, не-человеческий мир.

Десемантизируются в заговорных текстах и существительные – названия болезней. Но в отличие от всех предшествующих случаев (где

речь шла о лексемах, отсылающих к физическим, вещественным, реально существующим денотатам), здесь можно говорить о смысловой нейтрализации соответствующих слов не только в заговорном тексте, но и непосредственно в системе языка: это объясняется отсылкой данных лексем к диффузным денотатам и в заговоре проявляется трояко.

Во-первых, многие болезни очень редко упоминаются в заговорных текстах отдельно: чаще всего соответствующие слова фигурируют в одном ряду с другими лексемами, также называющими заболевания. Тем самым эти слова, выполняющие одинаковые синтаксические функции, начинают сближаться и в смысловом отношении. Во-вторых, некоторые болезни в заговоре называются лексемами, в системе языка обозначающими другие заболевания. Например, болезнь *červi* ‘черви’ называется *krstice* ‘золотуха’, *neštivka* ‘прыщик’ – *růže* ‘роза’, *nátka* ‘натка’⁵ – *růže* ‘роза’ и *ústřel* ‘прострел’, *návní kost* ‘навья кость’ – *lišej* ‘лишай’ и т. д. В большинстве случаев это происходит тогда, когда соответствующие болезни (либо их названия) объединяются каким-то общим признаком. Например, прыщи, как и рожа, сопровождалась покраснениями кожи; оба заболевания навья кость и лишай принадлежали к группе недугов, имеющих очевидную визуальную симптоматику, а внутренняя форма названий болезней *červi u krtice* апеллировала к множеству лексем, обозначающих хтонических животных. Наконец, лексемы, называющие болезни, могли связываться между собой в заговорных текстах и более сложными отношениями: сглаз считался причиной возникновения чахотки, (про)стрелы представлялись как *nádchou se spojící* ‘соединенные наткой’, а сама натка называлась *s růže dělaná* ‘сделанной из рожи’ и *v oustřelu všemohoucí* ‘в простреле всемогущей’.

Очевидна и зависимость между степенью неопределенности семантики слова, обозначающего болезнь, в языке и частотой его употребления в заговоре: чем более размытым и неопределенным является значение слова, тем в более разнообразных контекстах оно может употребляться в заговорном тексте (механизм использования лексем, обозначающих родовые понятия, вместо слов, передающих понятия видовые), а потому и тем большей оказывается его частотность. Типичный пример – употребление слова *znamení* (‘знак’, ‘знамение’) в качестве номинаций целого ряда болезней (бородавки, золотуха, навья кость, лишай, зоб и т. д.), объединяемых лишь по одному признаку: все они имеют визуальную симптоматику.

---

⁵ Словом *nátka* в Чехии назывались самые разнообразные болезни, которые, по мифопоэтическим представлениям, человек «вдыхал» в себя.

В **Заключении** обобщаются основные результаты работы.

- Выявлено несовпадение лексической семантики слова в фольклорном тексте и его словарного значения (хотя речь при этом не идет о принципиально различных значениях слов).

- Рассмотрен механизм смещения семантического ореола слова в заговоре по сравнению со значением соответствующей словарной единицы не только под влиянием особой магической ориентации заговорного текста, но и благодаря взаимодействию заговорных лексем друг с другом. Особенно показательно сближение семантики заговорных слов для лексем, выполняющих в текстах тождественные синтаксические функции.

- Показана необходимость обращения к мифопоэтической традиции в целом для полного раскрытия смыслового наполнения лексемы в заговоре.

Весьма перспективной представляется работа в следующих направлениях:

- дальнейшее исследование смысловой структуры чешских заговоров в сопоставлении с семантикой чешских текстов других фольклорных жанров (кроссжанровый подход); выделение общефольклорного семиотического ядра и периферии в рамках одной этнокультурной традиции;

- изучение семантики, символики и структуры чешских заговорных текстов, предполагающее ориентацию на иные методы исследования (анализ звуковой и ритмической организации текстов, выделение отдельных заговорных сюжетов, мотивов и т. д.);

- сравнительно-типологический анализ чешских заговоров и заговорных текстов других традиций.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Вербальный текст как фактор терапии // Тезисы докладов 12-го международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». Москва, 1997. С. 33-34
2. “Cette dualité magique...”: о семантической бинарности заговорных текстов // Тезисы докладов конференции «Слово как действие». Москва, 1998. С. 7-8
3. Два мира славянских заговоров: Россия/Славия // Евразия на перекрестке языков и культур. Материалы международных чтений памяти кн. Н.С.Трубецкого. Москва, 1999. С. 29-30

4. "K šírku, k čertu, do háje!" (чешские немотивированные фразеологизмы в контексте архаической модели мира) // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии. Тезисы докладов международной конференции. Волгоград, 1999. С. 169-170
5. Языческие обряды и поверья в комментариях Ч.Зибрта // Живая старина, 1999, N 3. С. 59-60
6. Семантика пространства лечебного заговора: к типологии формул отсылки болезни (на примере восточнославянских, чешских и французских текстов) // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1999, N 4. С. 50-60
7. Об одном типе лексических заимствований в славянские языки (чешско-немецкие языковые контакты) // Проблемы лингвистической контактологии. Материалы рабочей конференции. Москва, 1999. С. 31-33
8. Семантика и символика цветоименований в заговорном тексте: стереотип и мифологема (на примерах чешских лечебных заговоров) // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Материалы к коллективному исследованию. Москва, 1999. С. 7-13
9. «Кузнечные заговоры» и текст кузнеца в чешской фольклорной традиции // Славяноведение, 1999, N 6 (в печати)
10. Заметка о немецких названиях демонов, упоминающихся в чешских фольклорных текстах (в соавторстве) // Коммуникативно-прагматические аспекты семантики. Волгоград, 1999 (в печати)
11. Семантика пространства чешского лечебного заговора: формулы отсылки болезни // Живая старина, 2000, N 1 (в печати)
12. Un conflit de ressemblances ou deux conceptions des langues dites primitives // Cahiers de l'ILSL, Lausanne, 2000, N 13 (à paraître)
13. Du côté de von Humboldt? (Une page d'histoire des recherches ethno-linguistiques en Russie) // Cahiers F.de Saussure, Genève, 2000, N 53 (à paraître).

Подписано в печать 21.12.1999 г. Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.
Центр компьютерной полиграфии ИСл РАН. titlen@mail.ru